

ЦЕННОСТНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ: ТЕЗАУРУСНОЕ И НАРРАТИВНОЕ ПОНИМАНИЕ СОБЫТИЙ

В.В. Знаков (Москва)

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект № 10-06-00073а) и РФФИ (проект № 11-06-00018)*

Аннотация. Рассматривается становление нового этапа психологического познания, на котором ключевую роль начинает играть анализ опыта. Описываются отличительные признаки нарративного и тезаурусного способов понимания субъектом себя и мира.

Ключевые слова: субъект; человеческое бытие; экзистенциальный опыт; событие; понимание; нарратив; тезаурус.

Социальные изменения, происходящие в мире в конце XX – начале XXI в., оказали существенное влияние на формирование новой методологии социогуманитарных наук. Сегодня она проявляется в самых разных исследованиях: нарративном подходе [13], развитии тезаурусного принципа субъектной организации гуманитарного знания [10], антропологической психологии [7], описании социальной психологии науки [17], анализе методологических основ психологии [9]. По моему мнению, новая методология характеризуется *три* главными отличительными особенностями: осознанием того, что мир человека состоит не из фактов, а из событий; переключением внимания многих ученых со знания на опыт; пониманием ключевой роли не истинных, а ценностных описаний большинства ситуаций человеческого бытия.

1. Новую методологию характеризует смена парадигмы «соответствия», основанной на корреспондентной теории истины, на парадигму «социальных изменений», требующую от социологов, философов, историков и т.п. герменевтической интерпретации динамически изменяющегося мира человека. Акцент на динамике изменений особенно характерен для психологических исследований, предметом которых неизменно оказывается процессуальная природа психики человека [4]. Применительно к социальному миру в основании новой парадигмы лежит революционная мысль о том, что мир человека состоит не из *объектов*, а из *событий*. Социальная реальность представляет собой «не статическое состояние, а динамический процесс, она происходит, а не существует, она состоит из событий, а не из объектов» [14. С. 266]. При таком взгляде на социальный мир фокус внимания исследователей смещается с описания фактов на анализ событий.

2. В наше время в психологии происходит становление нового этапа познания, на котором во многих исследованиях ключевую роль начинает играть анализ не сознания, знания и переживания, а интегративного феномена *опыта* – индивидуального и надличностного. В методологии гуманитарных наук необходимость постановки во главу угла опыта, а не истины ясно и четко сформулирована Ф. Анкерсмитом [1]. Большинство сущностей и явлений, с которыми имеют дело психологи, таковы, что их описания не могут быть референциальными, прямо отнесенными к психическим образованиям. Например, что считать референтом духовности или здоровья? Никто не сомневается, что в онтологическом смысле названные феномены существуют. Вместе с тем научные дискуссии о них ведутся на естественном языке, на котором можно сформулировать множество теорий [7]. Научные теории – это не референты, а репрезентации, они не непосредственно соотносятся с исследуемыми феноменами, а как бы замещают их в сознании ученых. Однако репрезентации включают не только отражение реальности, но и правила ее познания и языкового описания.

В истории психологии сначала произошел *сдвиг от когнитивизма* с его идеей истинности знания *к конструктивистской психологии*, представители которой фактически отказались от истинности и провозгласили доминирующую роль языка, не только описывающего мир, но и определяющего познавательные схемы субъекта. Поскольку языковые конструкции всегда многозначны, то вряд ли уместно говорить об истинности выраженных языковым способом теорий [21]. Сейчас мы становимся свидетелями и участниками следующего шага в развитии методологии социогуманитарных наук, в том числе психологии: происходит *сдвиг от языка к опыту*. При этом основной проблемой становится не то, как нам удастся репрезентировать реальность, а то, каким образом мы приобретаем опыт реальности [1]. Если в научном знании ключевую роль играет истинность, то для опыта она фактически не важна, значимы его субъективная ценность и личностный смысл. Особую роль в человеческом бытии играет экзистенциальный опыт. Он направляет весь ход жизни человека и, в частности, осуществляет ценностно-смысловую регуляцию тезаурусного и нарративного понимания субъектом себя и мира.

3. В современном человекознании интенсивно используются метафоры, одна из центральных, базовых – нарратив [12]. Неудивительно, что нарративный принцип субъектной организации знания играет заметную роль в современных психологических исследованиях. В 2005 г. на русском языке была опубликована принципиально важная для развития методологии гуманитарного познания работа Дж. Брунера «Жизнь как нарратив» [3]. В 2007 г. М.Н. Эпштейн творчески развил идеи нарративного подхода и представил два возможных способа жизнеописания человека в статье «Жизнь как тезаурус»

[16]. К этому времени в российской науке тезаурусный подход стал рассматриваться как новая парадигма субъектной организации гуманитарного знания [10]. Иллюстрируя тезаурусный способ написания автобиографий, Эпштейн упоминал книги М. Монтеня, Ф. Ницше, Р. Барта. Сегодня в качестве примера типично тезаурусной по построению и стилю изложения автобиографической прозы можно назвать умные, интеллектуально глубокие воспоминания и размышления актрисы Аллы Демидовой [5].

Два названных подхода объединяет то, что их фундаментальные основания строятся на анализе опыта и ценностей познающего и понимающего мир субъекта. С позиций психологии человеческого бытия экзистенциальный опыт, ценности, ценностные ориентации и смыслы оказались в фокусе внимания психологов тогда, когда стало ясно, что только когнитивных методов недостаточно для познания и понимания многих ситуаций и событий. Иначе говоря, от «чистого» познания необходимо переходить к исследованию *существования* субъекта. Субъект познает мир избирательно, руководствуясь своими ценностными предпочтениями, оценкой возможных потерь и приобретений. Следовательно, познавая, действуя, человек, преобразует не только мир, но и себя. Он выходит за свои пределы, становится отличным от себя прошлого. Это и награда за новое знание, обогащающее внутренний мир субъекта, и его цена. Вместе с тем это свидетельство возникновения ценностей бытия, изменяющих экзистенциальную сущность субъекта, приобретения им новых субъектных качеств. Ценности являются не столько когнитивными компонентами психики субъекта, сколько экзистенциальными, связанными с ментальным, а шире – с духовным опытом.

Цель статьи – проанализировать основанные на экзистенциальном опыте тезаурусный и нарративный способы понимания субъектом событий человеческого бытия.

Тезаурусное понимание событий. На рубеже веков методология социогуманитарного познания, одной из ключевых категорий которой является нарратив, содержательно обогатилась тезаурусной парадигмой субъектной организации гуманитарного знания [10]. Тезаурусная парадигма определяет иной способ понимания субъектом мира и себя в мире. «В наиболее общем виде тезаурус может быть определен как полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх этого также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира, дают импульсы для радостной, интересной, многообразной жизни. Тезаурусы, таким образом, представляют собой субъективно организованное гуманитарное знание» [10. С. 67]. Иначе говоря, в тезаурусе каждого человека представлено не все знание о социальной и природной действительности, а только то, которое им освое-

но (освоенное – значит, осмысленное, понятое и ценное для субъекта). В частности, индивидуальный тезаурус культуры представляет не всю культуру, а только ту ее часть, которая усвоена, осмыслена, понята субъектом. Обычно в тезаурус не входит то, что не может быть понято либо по объективным причинам (я не могу понять текст на фарси, потому что не знаю этого языка), либо вследствие нежелания и субъективной незначимости (вряд ли в обозримом будущем я решу, что изучение фарси для меня жизненно важно). Таким образом, в тезаурусе представлено человеческое бытие, освоенное, осмысленное понимающим субъектом, а три типа понимания, по существу, представляют собой три способа освоения бытия [8].

Отличие тезаурусного принципа построения знания от нарративного заключается в том, что «если нарратив описывает *историю* жизни, то тезаурус – ее *картину*» [16. С. 49]. Например, тезаурусные словари, в отличие от энциклопедических, описывают понятия не в алфавитном порядке, а на основе семантических, смысловых, ассоциативных и других связей. Такая же структура у индивидуальных тезаурусов, на основе которых мы понимаем мир («дедушка»: отец моего отца; родился в Челябинске, где много заводов; участвовал в войне, рассказывал о разрушенном Дрездене, в котором сейчас замечательная картинная галерея; он любил искусство, у нас дома нередко бывали жаркие споры по поводу новых спектаклей и выставок; красивый мужчина, на него заглядывались женщины, хотя роста он был небольшого, но, может, это и не важно?). При тезаурусном понимании субъект отвечает себе на вопросы, отличные от вопросов при нарративном способе понимания: они направлены не столько на выяснение того, что произошло и как именно это происходило, сколько на то, *что это значило для понимающего*, какие субъективные смыслы и ценности актуализовались.

Проанализирую основные признаки тезаурусного понимания субъектом себя и мира.

1. Тезаурус именно потому субъектная характеристика организации индивидуального знания, что оно получено в результате избирательной *активности* субъекта. В соответствии с когнитивным подходом к психологическому анализу понимания именно эта часть личного знания прежде всего актуализуется при понимании. И только потом субъект обращает внимание на *новое* в разговоре, тексте, событии, ситуации. Иначе говоря, при тезаурусном понимании сначала актуализуется то, что уже было предметом осмысления и понимания, то, что имеет для субъекта определенную ценность. Затем внимание переключается на новое, то, что еще только нужно осмыслить и понять. Приведу пример разговора супружеской четы пенсионеров.

«Муж: Давай купим тебе новый ноутбук. Этот проработал уже 10 лет, он морально устарел: медленно загружается, у него слабый ак-

кумулятор, маленькая память. Сейчас недорого можно купить новый, такой же по размеру, с лучшими характеристиками, его до конца жизни хватит.

Жена: Так ты считаешь, что я проживу только 10 лет?

Муж: Я сейчас говорю не о тебе, а о компьютере: у него больше память, быстрое действие, да и аккумулятора хватит на 5–6 часов.

Жена: Так что, я проживу только 10 лет? Нет, не нужен мне сейчас новый ноутбук. У меня на это лето другие траты запланированы, связанные с дачей. Газонокосилка нужна, например».

Высказывания женщины свидетельствуют о тезаурусном способе понимания ею обсуждаемой проблемы. Для нее продолжительность жизни является актуальной темой, над ней она уже неоднократно задумывалась, а покупка компьютера – нечто новое и явно не столь уж субъективно значимое.

2. В тезаурусе элементы связаны не логическими отношениями, а *ценностно-смысловыми*. Ценностно-смысловые ориентации выражают направленность индивидуального или группового субъекта на такие значения и смыслы, образцы поведения, моральные и социальные нормы, которые он считает позитивно значимыми, благими, правильными [10]. «Я запоминаю только свои душевные дискомфортные узлы или благодарность (редкую!) от общения с людьми. Больше ничего: ни стран, ни дат, ни событий» [5. С. 8].

3. В тезаурусе принцип организации знаний не упорядоченный алфавитный, а *тематический* и потому, на первый взгляд, хаотичный. «У меня в записной книжке никто никогда не записан на ту букву, на которую нужно, – я записываю имена или фамилии чисто ассоциативно, а потом долго не могу найти нужный мне телефон. Учитель по вождению у меня значился на «П» – я его записала как «Прохин-дея» [5. С. 48].

4. В тезаурусном понимании событий нередко ведущую роль начинают играть *эмоциональные переживания* понимающего субъекта, возникшие у него в результате соотнесения содержания понимаемого с прошлым экзистенциальным опытом. Например, увидев, что у героя кинофильма тяжело заболела мать, зритель может актуализовать переживания, связанные с болезнью своей матери. В результате понимание событийной канвы фильма оказывается «ушедшим» в далекое прошлое и очень отличным от понимания человека, сидящего в соседнем кресле. Это не только частный случай, но и общая закономерность, характеризующая очень значительную часть человечества. Как известно из гендерной теории субъекта [6], внутренний приватный мир женского Я в автобиографиях сознательно или бессознательно противопоставляется автором биографии миру общепризнанных фактов. Вследствие этого вместо временной нарративной последовательности реализуется эмоциональная последовательность событий. В результате *внешняя со-*

бытийность якобы очевидных объективных фактов подменяется женской *внутренней аффектированной* автобиографией [6. С. 223].

5. В построении тезауруса большую роль играют *ассоциации*. «Тогда я подумала, что память моя – ассоциативная. Как в вязании – одну петельку вытянешь, за ней потянется другая, может быть, даже другого цвета... И из этой мозаики памяти сложатся портреты людей, ведь я буду вспоминать не только себя» [5. С. 15].

6. Тезаурусное понимание проявляется в склонности субъекта не к последовательному воспроизведению событий так, как они происходили, а к актуализации хотя и целостной, но мозаичной «импрессионистической» картины, состоящей из фрагментов. В тезаурусе тесно *переплетаются* и даже наслаиваются друг на друга *прошлое, настоящее и будущее*. Фундаментальное и созвучное психологии человеческого бытия обоснование закономерности такого переплетения представлено в работе У. Эко: «Жизнь только в настоящем невозможна; мы постоянно скрепляем вещи и события клеем памяти – как личной, так и коллективной (история и миф). Мы отталкиваемся от рассказа о прошлом, когда, говоря «я», безапелляционно утверждаем, что являемся естественным продолжением человека, который (по свидетельству наших родителей или книги актов гражданского состояния) родился в определенное время определенного дня определенного года в определенном месте. Из-за того, что человеку даны два вида памяти (индивидуальная память, благодаря которой мы знаем, что делали вчера, и коллективная память, которая осведомляет, когда и где родилась наша мать), часто происходит путаница, и нам кажется, что мы присутствовали при рождении собственной матери (или матери Юлия Цезаря) так же, как «присутствуем» в сценах из собственного прошлого опыта» [15. С. 247–248].

7. Индивидуальные тезаурусы *культурно обусловлены*. С точки зрения психологии человеческого бытия истоки надличностного характера входящего в тезаурус экзистенциального опыта следует искать в его неразрывной связи с семиотическими ресурсами культуры. Культурная обусловленность опыта проявляется в самых разных психологических исследованиях, например анализе женских автобиографий. Характерной особенностью женской автобиографии является апелляция к *личному* экзистенциальному опыту прежде всего как гендерному опыту *группы*. Как утверждает Ш. Фельман в известной книге «Чего хочет женщина? Чтение и половые различия», в основе такого опыта находятся представления о травме, подавлении, репрессии в культуре [20].

Итак, тезаурусное понимание основано на активности субъекта, его избирательной ценностно-смысловой направленности, фокусе на тематическом содержании, ассоциативных и эмоциональных отклонениях от главной темы, культурной обусловленности структуры знаний, служащих основанием понимания, и большом временном масштабе, в котором рассматриваются понимаемые события.

Нарративное понимание событий. Из психологических исследований давно известно, что люди склонны упорядочивать информацию о мире в простые, понятные и предсказуемые когнитивные модели. Для этой цели используются схемы, эвристики, скрипты и другие средства, которые помогают человеку организовать противоречивую информацию о мире и свести к минимуму усилия по ее обработке [24]. Наиболее общей формой систематизации информации в социогуманитарных науках принято считать нарратив. Нарративный принцип [12] выражает прежде всего способность и склонность субъекта упорядочивать, казалось бы, случайные факты и явления в такую непротиворечивую последовательность событий, которая представляет собой связную и законченную историю. История описывается с начала до конца и отвечает на вопросы: «что произошло?» и «как все это было?» Причем для психолога нарративный принцип характеризует не столько событийную структуру того, о чем человек рассказывает, сколько тип интерпретации, т.е. один из возможных способов организации фрагмента мира субъектом, проявляющийся в том, что он видит и как излагает историю. К сожалению, во многих научных публикациях нарратив отождествляется с повествованием, рассказыванием историй, описанием событий. В этой связи одну из главных задач я вижу в том, чтобы выделить признаки, указывающие на нетождественность нарратива и простых дескрипций, описательных высказываний.

Во-первых, следует ясно осознавать: когда мы говорим о нарративе, то имеем в виду структуру самого повествования или способ организации мышления рассказчика? Нарративная организация определяет разные варианты интерпретации событий и, соответственно, порождения, а не отражения рассказа о том, «как это было». Для психологических исследований более значимым чаще оказывается второе: нарративная организация знаний и опыта субъекта представляет собой схемы познания и понимания мира. Нарративная организация определяет то, как люди рассказывают истории, описывающие превратности человеческого бытия, и включает *правила структурирования* событий, т.е. способы конструирования реальности рассказчиком. В современной психологии представления о нарративе как организующем принципе, лежащем в основе человеческих действий и поступков, развиваются Т.Р. Сарбином, К.Дж. Гергеном и другими учеными [12, 22]. Кроме того, такая интерпретация обсуждаемого понятия указывает на необходимость субъекта как некоторой опосредующей инстанции изложения. Это отражено, в частности, в пятикомпонентной модели нарративного понимания событий, одним из основных ситуационных признаков которой является главное действующее лицо [25].

Во-вторых, понятие «нарративный» следует противопоставить терминам «дескриптивный» и «описательный». «Описательность» противоположна нарративности в широком смысле. В описательных текстах

излагаются статические состояния, рисуются картины, даются портреты, подытоживаются повторяющиеся, циклические процессы, изображается социальная среда или классифицируются естественные или социальные явления по типам, классам и т.п. Описательные тексты изображают, как правило, лишь одно состояние» [13. С. 18]. Для психолога, анализирующего, например, поступки людей, нарративными в подлинном смысле слова являются тексты, в которых излагается некое *изменение* состояния. В поведении человека изменения закономерны и неизбежны: как отмечает Д.П. Макадамс, они следуют из интенциональности человеческой психики. «Практически во всех «понятных» историях люди или подобные им существа действуют, чтобы достичь своего намерения, в результате чего появляется последовательность событий или реакций, существующих во времени как сюжет» [11. С. 140]. Согласно нарративному подходу событие – это ядро ситуации. Это предположение основано, во-первых, на том факте, что события – самые динамичные аспекты ситуации; во-вторых, на том, что каждая часть повествовательного текста, сюжетного рассказа обязательно описывает событие [25].

В-третьих, в науке исследовательская деятельность «не строится из высказываний констатирующего дескриптивного характера, описывающих предмет познания в нарративной практике «нейтральным» образом. Нарративному повествованию предшествуют вопросы, проблемные ситуации, которые становятся специфическими ответами в разрешении противоречий наличного знания» [18. С. 30]. Нарративное повествование всегда, как минимум, отвечает на вопросы «что произошло?» и «как это было?»

Нарративное понимание событий сознательным или неосознаваемым для понимающего субъекта образом всегда основывается на изложенных выше теоретических положениях. Кратко перечислю основные признаки нарративного понимания.

1. Нарративное понимание основано на убеждении субъекта в том, что любую ситуацию человеческого бытия можно *интерпретировать многими способами*. Это следствие обоснованного сомнения в существовании «объективных», не зависящих от точки зрения рассказчика историй, происходящих с людьми. Вера в то, что существует некая реальная история, только ждущая своего раскрытия до нарративного процесса, является ничем иным, как онтологическим заблуждением, потому что рассказ о событиях человеческого бытия уже с начала повествования начинает изменять сам ход жизни субъекта.

2. При нарративном понимании субъект сознательно и целенаправленно старается структурировать события таким образом, чтобы в последовательном повествовании присутствовали *смысл* движения и *цель*, или ценностный конечный результат. Создаваемая субъектом нарративная конструкция должна представлять события в такой последовательности, чтобы достижение цели было более или менее *право-*

подобным. Описание событий безотносительно цели повествования не создает ни у рассказчика, ни у слушателя ощущения осмысленности повествования. Главная задача повествователя – развивать повествование по направлению к смысловому конечному результату, т.е. постоянно иметь в виду цель рассказа.

3. При нарративном понимании субъект разбивает части описываемой в тексте ситуации на события. Во время понимания он связывает события, по меньшей мере, по *пяти ситуационным признакам*: времени, пространству, причинности, мотивации и главному действующему лицу. Если событие, обрабатываемое в данный момент, по определенным признакам совпадает с событием, находящимся в памяти, тогда между ними устанавливается связь, которая переходит в долговременную память. Совпадение обусловлено наличием общих признаков у двух событий [25].

4. Нарративное понимание *диалогично*, оно всегда предполагает наличие понимающего субъекта: такие термины, как «рассказчик» и «слушатели», создают ложную картину разделения на активного повествователя истории и пассивную группу реципиентов. В действительности слушатели всегда в каком-то смысле являются соавторами [19]. Индивидуальный характер нарративного понимания определяется прежде всего теми вопросами, которые понимающий субъект ставит не столько рассказчику, сколько самому себе. Для понимания нужна встречная мысль, которая выражается в вопросах. Ответы на вопросы помогают человеку решить собственные проблемы, которые возникли у него до начала слушания или чтения рассказа. Задавая вопросы, субъект получает различные ответы – творит смыслы. В результате получается, что понять мысль автора – значит породить собственную мысль по поводу мысли автора [2].

5. Нарративная *сложность* понимания проявляется во включении людьми в свои жизненные истории более разнообразных типов сюжетов. Известно, что «люди, находящиеся на относительно высоких стадиях развития Эго, приобретают более индивидуальный и нюансированный взгляд на собственный опыт, в то время как люди со слабым уровнем развития Эго видят свой опыт более «черно-белым», в более конформистских терминах [11. С. 153]. Субъекты, обладающие высоким уровнем развития Эго, в отличие от субъектов с низким, чаще осознают и вербализуют негативные события своей жизни. Для них рассказ о сложных жизненных обстоятельствах – это одновременно и повествование о произошедших положительных личностных изменениях [23].

Таким образом, результатом тезаурусного понимания оказывается картина понимаемого, основанная на семантических, смысловых, ассоциативных, эмоциональных связях. Такое понимание фрагментарно, мозаично, непоследовательно и нередко логически противоречиво. Нарративное же понимание событий человеческого бытия основано на

какой-либо одной принятой субъектом версии происходящего. Оно целенаправленно, непротиворечиво, правдоподобно, диалогически направленно. Естественно, что описанные теоретически два способа понимания требуют эмпирической проверки.

Литература

1. Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.
2. Арутюнян О.А. Понимание философского текста как смыслотворчество: Автореф. ... дис. канд. филос. наук. Краснодар: КубГТУ, 2007.
3. Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005. № 1. С. 9–30.
4. Брушлинский А.В. Избранные психологические труды. М.: Ин-т психологии РАН, 2006.
5. Демидова А. Заполняя паузу. М.: АСТ, 2010.
6. Жеребкина И. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. СПб.: Алетейя, 2007.
7. Залевский Г.В., Залевский В.Г., Кузьмина Ю.В. Антропологическая психология: биопсихосоциоэтическая модель развития личности и ее здоровья // Сибирский психологический журнал. 2009. № 33. С. 99–103.
8. Знаков В.В. Три традиции психологических исследований – три типа понимания // Вопросы психологии. 2009. № 4. С. 4–13.
9. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011.
10. Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы. Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008.
11. Макадамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, вып. 1. С. 135–166.
12. Сарбин Т.Р. Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология: Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. 2004. № 1. С. 6–28.
13. Шмид В. Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2008.
14. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996.
15. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб.: Симпозиум, 2002.
16. Эпштейн М.Н. Жизнь как тезаурус // Постнеклассическая психология. 2007. № 4. С. 47–56.
17. Юревич А.В. Социальная психология науки. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001.
18. Яковлев В.Ю. Нарративный метод научного познания // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 11 (71). С. 28–35.
19. Coates J. «My mind is with you»: story sequences in the talk of male friends // Narrative Inquiry. 2001. Vol. 11, № 1. P. 81–101.
20. Felman S. What Does a Woman Want? Reading and Sexual Difference. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1993.
21. Gergen K.J. The social constructionist movement in modern psychology // American psychologist. 1985. № 40. P. 266–275.
22. Gergen K.J., Gergen M.M. Narrative Form and the Construction of Psychological Science // Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct / Ed. by Th.R. Sarbin. Westport, Connecticut. London: Praeger, 1986. P. 22–45.
23. Helson R., Roberts B.W. Ego development and personality change in adulthood // Journal of Personality and Social Psychology. 1994. Vol. 66, № 5. P. 911–920.

24. Landau M.J., Johns M., Greenberg J. et al. A function of form: Terror management and structuring the social world // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2004. Vol. 87, № 2. P. 190–210.
25. Zwaan R.A. Five dimensions of narrative comprehension: the event-indexing model // *Narrative Comprehension, Causality and Coherence. Essays in honor of Tom Trabasso* / Ed. by S.R. Goldman, A.C. Graesser, P. van den Broek. Mahwah; New Jersey; London: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1999. Ch. 7. P. 93–110.

VALUE UNDERSTANDING THE HUMAN BEING: THESAURUS AND NARRATIVE
UNDERSTANDING OF THE EVENTS

Znakov V.V. (Moscow)

Summary. The formation of a new stage of psychological knowledge on which a key role is played an analysis of experience is discussed. Described the differencetional features of narrative and thesaurus ways of understanding the subject himself and the world.

Key words: subject; the human being; an existential experience; event; insight; narrative; thesaurus.